

The background of the book cover is a photograph of a person with long, wavy, reddish-brown hair seen from the back, looking out over a calm blue sea under a clear sky. The person is wearing a light blue, textured garment. The overall mood is contemplative and serene.

Оттенки прошлого

АЛЛА СУХОВЕЙ

16+

Алла Филипповна Суховой

Оттенки прошлого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40277333

SelfPub; 2019

Аннотация

Эта книга о прошлом, которое прорастает в настоящее. Прошлое – это мы, наши воспоминания, которые живут с нами. Они могут согревать нас, дарить силы и надежду. В них наши мечты, стремления и поступки, наш опыт. Но в наших воспоминаниях могут также таиться печаль или сожаление о совершенных ошибках. Прошлое не менее сложно и многообразно, чем настоящее. Вглядываясь в него, мы начинаем по-другому, более объемно воспринимать действительность, открываем неизведанное в известном, приближаемся к познанию самих себя и того, что нас окружает. В этом смысле каждый самый незамысловатый эпизод из нашей прошлой жизни самоценен.

Содержание

Аварийная посадка	4
Чи	17
Привет, Майкл!	25
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Аварийная посадка

Рейс Варна-Екатеринбург задерживался почти на час. Пассажиры, утомленные жарой, с которой не справлялись кондиционеры тесного аэропорта, толпились у стойки регистрации. Светлана подъехала заранее и теперь терпеливо дожидалась объявления, поглядывая на большое справочное табло. После отдыха на море такие мелочи, как ожидание самолета, не раздражали ее.

Она была обычным научным работником дряхлеющего исследовательского института. Лет 20 назад она без особых усилий и без аспирантуры защитила кандидатскую диссертацию, но дальше по научной лестнице не пошла. И не потому, что было лень или не хватало таланта, а просто из-за того, что она не видела в этом смысла: кому в наше-то время нужны идеи, не дающие прибыль здесь и сейчас ... У нее, пожалуй, были литературные способности. Во всяком случае, друзьям нравились ее стихи, и многие искренне советовали ей печататься. Но она не придавала этому значения.

Стоя в толпе изнывающих пассажиров, Света с интересом приглядывалась к ним и, чтобы чем-то себя занять, пыталась угадать, что это за люди. Она любила придумывать сюжеты из жизни случайно встреченных прохожих и попутчиков, фантазировать, куда и зачем они торопятся.

– Безобразие! – шипела стоящая сзади дама с угрожающе пышными формами. – Почему ничего не объявляют? Я сейчас растаю.

– Тоже мне Снегурочка! – с издевкой хмыкнул коренастый коротышка в живописных гавайских шортах, вылинявшей красной футболке, украшенной на груди серпом и молотом и соломенной шляпе с узкими полями, нелепо смотревшейся на его грушевидном лице. Дама побагровела от нестерпимой обиды, но не нашла, что ответить.

– Колоритные типы, – подумала Света, наблюдая за соседями. – Мужик, судя по характерному выговору, хохол. Отдыхал в Болгарии, видимо, один. Похоже, холостяк, причиной тому упрямый и вспыльчивый нрав. Символика на груди, возможно, свидетельство принадлежности к КПРФ. Дама запенсионного возраста, вероятнее всего, бывший бухгалтер небольшой фирмы и по совместительству мелкий домашний тиран. Но такая вряд ли куда-либо двинет одна. Некем будет командовать. Ага, вот и ее муж, невысокий, лысоватый, в очках с толстенькими стеклами, сквозь которые его маленькие глаза, слегка опущенные белесыми ресницами, казались удивленными. С несчастным видом он наблюдал за происходящим.

Рядом теряла терпение молоденькая мамаша с голыми обгоревшими плечами и спящим малышом наперевес.

– Матвей, – полусерьезно говорила она спортивного вида парню, обвешанному чемоданами и сумками, – в следующий

раз в июле поедem только на Северный полюс! – Матвей покорно кивал головой.

– Ну, с этими все понятно, – решила Света. – Молодая пара, немного инфантильная. Путешествовать втроем им еще вряд ли самим по карману. Скорее всего, дoят родителей.

Среди нервничающей толпы выгодно отличалась хорошо одетая супружеская пара. Наверное, они отдыхали под Варной в собственном коттедже или добротных апартаментах, непременно с видом на море. Он, похоже, был вполне удачливым бизнесменом средней руки. На нем были плотные льняные брюки, шелковая голубая с размытым рисунком рубашка на выпуск и дорогие белые сандалии. Супруга, мило манерничая, называла его «Николя». Она была видной статной дамой, лицом и фигурой сильно смахивающей на Машу Распутину. На ней ладно сидели джинсовые шорты чуть выше колен и стильная ветровка изo льна, украшенная мережками. На ногах красовались высокие сапожки цвета топленого молока с ажурными голенищами. Пара как будто не замечала беспорядка вокруг. Им без конца звонили на мобильники, и они оживленно отвечали на звонки.

Наконец, диспетчер на ломаном русском языке объявил: «Пассажиры, которые вылетайте рейсом трийсет и шестдесет едно до Екaтaринабург, моля подходить в соседняя зала к стойка номер тринайсет. Начинaйся регистрация билетов».

Для большинства ожидающих смысл объявления остался загадкой. Однако те, кто сориентировался, помчались искать

стойку номер «тринайсет». В их числе были и Николя с женой. Схватив полутораметровый чемодан, Николя ринулся вперед, не глядя по сторонам. Светлана замешкалась со своей дорожной сумкой, и огромный чемодан Николя проехал по пальцам ее правой ноги. «Что ж Вы делаете!»— вскрикнула от боли Света, но Николя не услышал или не счел нужным остановиться.

Стопа стала медленно опухать, но обращаться за медицинской помощью было некогда. Почти сразу объявили посадку и подогнали хаб. Светлана доковыляла до своего места у окна и плюхнулась в кресло.

Ее соседями оказались Николя с женой. Они производили впечатление благополучной счастливой пары. Наверняка они давно были вместе, но супруг с явным удовольствием поглядывал на свою приметную яркую жену. Ее звали Нина. Нарочито небрежным движением она сбросила ковбойскую шляпу, встряхнула гривой густых отбеленных волос и удобно расположилась в кресле, вытянув перед собой длинные загорелые ноги в щегольских сапожках. В ее сумочке мелодично зазвонил сотовый. Нина извлекла новенький смартфон и, кокетливо выпятив надутые силиконом нежно-розовые губы, заворковала грудным голосом:

– Все в порядке. Не волнуйся, мама, мы уже в самолете. Как там Митенька? Ах, шалит! Ну, не ругай его! Скажи, что я привезла ему кораблик и морскую звезду, как он просил. Часов через пять будем уже дома. Нас встретят. Пока-пока!

Муж с удовольствием вслушивался в воркование Нины. Он сидел между Светланой и Ниной, и вел себя непринужденно: шутил, предлагал шоколад. Нога Светлану уже почти не беспокоила, и она стала забывать о неприятном происшествии с чемоданом. В сутолоке, Николя вполне мог не заметить, что кому-то сделал больно. Света откинула голову на спинку кресла и закрыла глаза.

Самолет вырулил на взлетную полосу, разбежался, плавно оторвался от земли и стал набирать высоту. Хотелось расслабиться, немного подремать, но сзади не давал покоя высокий мальчишеский голос:

– Мама, мама! А наш самолет не упадет? Мама-а-а, а мы не разобьемся? – У мальчишки явно была навязчивая идея. Его мать устало молчала. От назойливо звенящего голоса мальчика, снова и снова задававшего свои дурацкие вопросы, у Светы разболелась голова.

– Накличет беду, – зачем-то сказала она. Николя слегка поморщился:

– Не обращайтесь внимания! Насмотрелся ужасиков.

Наконец, матери тоже надоело, и она попыталась унять сына:

– Успокойся, Ванечка! Наш самолет не упадет. Ты же видел, что в нем очень много маленьких деток, а самолеты, на которых летит много детей, никогда не разбиваются. – Малыш то ли устал, то ли удовлетворился ответом, и, наконец, затих.

Молоденькие стюардессы стали предлагать напитки. Одна из них, Оленька, была очень хорошенькой: крашеная блондинка с небесно-голубыми безмятежными глазами и улыбочивым пухлым ротиком, подчеркнутым перламутровым блеском. Она очаровательно разливала воду и сок по пластиковым стаканчикам, слегка оттопыривая при этом мизинчик.

– Наверное, у нее куча поклонников, – подумала Света, и тут же вообразила, что Оленька влюблена в первого пилота с волевым лицом и седеющими висками, которого пассажиры могли видеть во время посадки, а по красоте-стюардессе сохнет скромный, немного неуклюжий бортмеханик с мечтательными глазами.

С момента взлета прошло чуть более получаса, как вдруг где-то справа, в районе крыла послышался неприятный резкий скрежещущий звук. Вначале на него никто не обратил внимания. Прошло еще минут десять. Звук не утихал. Пассажиры настороженно притихли. Сзади снова послышалось:

– Ма-ма-а, а мы не упадем?

Появились немного растерянные стюардессы. Нервно поправляя растрепавшуюся белокурую челку, Оленька заученно произнесла:

– Все в порядке! Ситуация штатная! Самолет наберет высоту, и все будет нормально. Просьба оставаться на своих местах!

Параллельно засигналили таблички: «Пристегнуть рем-

ни».

Скрежет не утихал. Как будто какой-то зверь терзал изнутри тело самолета. Пассажиры вжались в кресла. Нина растерянно хлопала длинными наклеенными ресницами и требовала от Николая:

– Пойди, узнай, что там случилось! Мне страшно!

Николай крепко сжимал ручки кресла и растерянно молчал. Сидеть на месте казалось невыносимым. Несмотря на запрет, Света тихонько поднялась с кресла и, прихрамывая, стала продвигаться к отсеку, где находились бортпроводницы. Она почти достигла цели. За шторкой были слышны приглушенные голоса. Быстро и встревожено говорил стюард. Светлана успела расслышать незаконченную фразу: «Повреждена гидроизоляция, и ...». Почти в тот же момент к ней подскочила Ольга:

– Немедленно вернитесь на свое место!

– Да скажите же, в чем дело? – стараясь, говорить спокойно, спросила Света. – Может, надо посадить самолет?

– Спасибо за совет. Без Вас разберутся. Да садитесь же! – прошипела Ольга.

Пришлось подчиниться.

– Что происходит? Вам что-то удалось узнать? – встревожено спрашивали пассажиры. Конвоируемая побледневшей и оттого подурневшей Оленькой, Светлана, спохватившись, что может спровоцировать панику, машинально повторяла пришедшую на ум и показавшуюся ей подходящей фразу:

– Все нормально! Мы в зоне турбулентности.

Ее соседи нервно переругивались:

– Почему мы не полетели бизнес-классом? – возмущалась

Нина.

– Ду-у-ра! Какая же ты дура! – еле сдерживаясь, неожиданно грубо восклицал Николя. – Тебе не все равно, каким классом взлететь на воздух!

Светлане вдруг стало смешно от неожиданного каламбура Николя.

– Ну, вот, еще одна сумасшедшая! – недоумевал сосед, потерявший чувство юмора.

Завывающие невыносимые звуки продолжались еще с четверть часа, затем так же неожиданно, как и начались, стихли. Напряжение в салоне стало спадать. Пассажиры занялись предложенным им обедом, и только лица девочек-стюардесс, несмотря на дежурные улыбки, выглядели обеспокоенными.

Второе блюдо было плохо разогрето, но пассажиры, пережившие стресс, не обращали внимания на такие мелочи. И лишь в начале салона капризный голос, по которому Света узнала экстравагантную пассажирку, возмущавшуюся в аэропорту духотой, выговаривала стюардессам:

– Заберите эту холодную гадость. Я не удав, чтобы глотать что попало!

Светлане есть не хотелось. Она выпила кофе с маленькой аэрофлотовской шоколадкой и, пытаясь переключиться на

что-то приятное, стала вспоминать свой отпуск на Золотых Песках.

В Болгарии она отдыхала уже в третий раз. Страстная морепоклонница, до этого она уже побывала на разных морях: изумрудно-бирюзовом с завораживающе красивым подводным миром Красном море, освежающе прохладном темно-синем Эгейском, теплом, как будто подогретом на гигантской плите Желтом море, удивляющем своими мощными приливами и отливами, непредсказуемом и беспокойном с плотной тяжелой волной Средиземном, омывающем Испанию с запада, а Тунис – с севера и востока. Каждое из этих морей было прекрасно по-своему. Но Светлане почему-то особенно полюбились южные берега Черного моря с их приветливыми песчаными пляжами, пологим дном и прозрачной, особенно ранним утром, водой цвета аквамарина, которая мягко и упруго, словно шелк, касалась тела. Десять дней, казавшиеся в начале отпуска бесконечностью, пролетели незаметно, зарядив ее энергией, но, не утолив жажду плавать, ощущать дыхание морского бриза, бродить вдоль моря по плотному влажному песку, усеянному белыми, похожими на маленькие веера ракушками. Но надо было возвращаться. Дома ждала 75-летняя мать, полгода назад перенесшая операцию на глазах, и аристократично белый удивительно ласковый кот Маркиз, выращенный из крохотного, размером с ладонь котенка, которого Светлана, то ли в шутку, то ли всерьез называла своим меховым сынишкой.

– Как там мое семейство? – подумала Света. Несколько часов назад, когда объявили посадку, она позвонила маме, и сейчас та, конечно же, волнуется, пытаясь дозвониться в аэропорт, чтобы узнать о прибытии самолета.

– Неизвестно, как пройдет посадка, – забеспокоилась Светлана. – Что-то долго летим. – Она глянула на часы. Так и есть. Самолет должен был приземлиться уже час назад.

– Наш самолет идет на снижение. Просьба привести спинки кресел в вертикальное положение и пристегнуть ремни, – раздалась привычная команда.

Над Екатеринбургом стояла ночь. Стрелки часов показывали три часа двадцать минут. Небо было абсолютно темным, затянутым плотными косматыми тучами, и только далеко-далеко внизу из окна иллюминатора можно было рассмотреть крохотные огоньки большого города. Света любила во время ночных перелетов наблюдать за россыпью то возникающих, то исчезающих куда-то огней. Вот и сейчас таинственно мерцающие на фоне почти черного неба огни мегаполиса золотистые, белые и голубоватые, сплетались в причудливые гирлянды. Они напоминали звездные скопления и, казалось, что Светлана летела не в самолете, а в космическом корабле среди сверкающих космических галактик. В такие минуты в Свете возникало детское желание стать пилотом.

Захватывающее таинство полета было неожиданно нарушено громким звуком, похожим на залп орудия: «Па-а-а-х!» Самолет покачулся, но затем выровнял ход и довольно рез-

ко пошел на снижение. Пассажиры обеспокоено заерзали в креслах.

Внизу происходило что-то не совсем обычное. Со всех концов по темному полю аэродрома неслись какие-то машины, слепили прожектора.

– Остаться на своих местах! – скомандовал пилот.

Самолет с силой коснулся земли, подпрыгнул и на огромной скорости продолжал движение. Почему-то не было видно светящихся сигнальных огней. Вдруг по правому борту, где-то у основания крыла появилось пламя. Оно вырвалось откуда-то изнутри самолета, и его оранжевые светящиеся языки лизали обшивку, подбираясь к иллюминаторам среднего салона. Среди пассажиров начиналась паника. Тонким испуганным голосом причитал мальчишка сзади:

– Ма-ма, ма-ма-а-а! Мы горим! Я боюсь.

Нина закрыла лицо руками, чтобы не видеть пламени, и, размазывая тушь, причитала:

– Помогите же кто-нибудь! По-мо-ги-те!

Светлана порылась в сумочке и протянула Нине таблетки глицина. Нина уставилась на них с недоумением.

– Это импортные? – спросила она, слегка успокаиваясь. Получив отрицательный ответ, она, тем не менее, опасливо положила под язык крохотную таблетку.

Николя переступил через жену и рванул к ближайшему аварийному выходу. Там кто-то из пассажиров уже неумело тянул на себя дверь запасного люка. Его еле остановил стю-

ард:

– Нельзя! Если Вы откроете люк, в самолет может проникнуть огонь! Сядьте!

Вокруг самолета сновала пожарная техника. Стали заливать пламя пеной. Повалил густой серый дым.

У Светы пересохло в горле:

– Дома больная беззащитная мать. Что же будет, если не удастся потушить пожар?!

– Просьба оставаться на своих местах! Без паники. Ситуация полностью под контролем! – успокаивал пассажиров глуховатый голос командира корабля.

Тушение пожара продолжалось минут сорок. Наконец, огонь сдался. По иллюминаторам с правого борта еще стекала пена, но слева к самолету уже подкатывали трап. Первым на него выскочил Николя. Несколько приотстав, сзади спешила Нина в нелепо съехавшей набок ковбойской шляпе с довольно объемной дорожной сумкой из светлой кожи. Она что-то кричала мужу вслед, но он не оборачивался.

Светлана поднялась со своего места и оглянулась. Невысокая молодая женщина в узких линялых джинсах успокаивала беленького мальчишку лет шести. Он уткнулся от страха лицом в футболку матери и мешал собирать вещи. Света помогла женщине, и они вышли из самолета в числе последних пассажиров.

Вдоль трапа по обе стороны, молча, выстроились члены экипажа. Оленьки среди них не было. Проходя мимо отсе-

ка для бортпроводников, Света краем глаза заметила, что ее бережно приводит в чувства симпатичный увалень бортмеханик. В его движениях были забота и нежность. Прихрамывая, Света вышла на трап и вдохнула в себя влажный ночной воздух. Гари уже почти не чувствовалось. Поравнявшись с командиром корабля, Света коснулась его руки:

– Спасибо Вам! – выдохнула она.

– Все в порядке! – ободряюще кивнул летчик. У него было мужественное лицо с небольшой складкой между бровей, придающей ему собранное выражение, и усталые глаза. Его волосы прилипли ко лбу, а голубая форменная рубашка на спине насквозь промокла от пота.

Самолет удалось приземлить в самом конце аэродрома, подальше от взлетно-посадочного поля. Впереди приветливо и спокойно светили огни. Аэропорт жил своей привычной жизнью. Накапывал мелкий теплый дождик. Казалось, это были слезы радости.

2011 г.

Чи

Я вышла из салона сотовой связи. На газонах мягким ковром зеленела омытая грозовым дождем молодая трава. Доцветали яблони, белоснежные лепестки осыпались на прохожих под порывами ветра как конфетти.

Сделав несколько шагов, я застыла от неожиданности. На тротуаре прямо под ногами недвижимо стояла крохотная, меньше воробья пёстренькая птичка. Почему она не улетает? На нее же легко наступить!

Я тихонько присела рядом, уверенная, что птичке не понравится мое соседство, и она вспорхнет. Но она не улетала. Может, это – птенчик? Я совершенно не разбираюсь в птицах. В растерянности я разглядывала малышку. Она была очень привлекательной: бежевое тельце, покрытое нежными, как пух, перышками, коричневатые небольшие крылья, которые красиво отливали зеленым, и короткий темный хвостик. У крохи была хорошенькая бархатная головка с небольшим прямым клювом и грустные смышленные глазки.

Оставлять малышку под ногами прохожих было опасно. Я осторожно протянула руку и тихонько обхватила ладонью маленькое пушистое тельце. Птичка сделала слабую попытку освободиться и обреченно замерла в руке. Я попыталась ее

успокоить:

– Не бойся, миленькая, я тебя не трону. Сейчас отнесу тебя домой, накормлю, а потом, когда захочешь, отпущу.

Я старалась говорить тихим спокойным голосом. Птичка чуть наклонила набок головку, как бы вслушиваясь в обращенные к ней слова. Черный блестящий круглый глаз смотрел на меня доверчиво, без страха.

Дом был метрах в трехстах. Путешественница терпеливо перенесла дорогу. Я поднялась на четвертый этаж хрущевки и позвонила. За дверью слышались тихие шаги мамы.

– Ма, смотри, я нашла птичку!

– Какая хорошенькая-я-я! – восхищенно протянула мама, детство которой прошло на утопающей в яблоневых садах Украине, в деревне, в тесном контакте с котятами, собачатами, цыплятами и прочей живностью.

Находка обеспокоено завертела головкой, глянула на маму и сказала:

– Чи!

– Ну, вот и представилась сама, – засмеялась я. – Очень приятно. Меня зовут Алла, а это наша мама.

Клетки у меня не было. Пришлось поместить гостью в небольшое пластиковое ведро с широким дном. На дно положили бумажные салфетки, чтобы было мягко и тепло. Верх затянули марлей. Чи забеспокоилась. Она была усталой и растерянной, ей надо было отдохнуть и набраться сил, но она явно не рассчитывала, что ее поместят в какое-то тем-

ное закрытое гнездо с душными скользкими стенами, за которые даже нельзя уцепиться. В знак протеста птичка стала метаться внутри ведерка, пытаясь найти выход.

И тут до меня дошло, что, желая птичке добра, я могу вместо этого навредить ей. Ведь я ничего о ней не знаю! К какому виду она относится? Чем питается? Как ее содержать?

От предложенного ей яичного желтка и воды малышка отказалась. Что же делать? Позвоню моей подруге Маринке. Мы проработали вместе с ней в академическом институте, наверное, не менее 20-ти лет. Страстью Марины были книги. И поскольку у нее жил большой красивый белый попугай ара, наверняка у нее была и литература о пернатых.

Мариша поздравила меня с найденным. По моему описанию она определила, что птичка насекомоядная. Значит, ее надо кормить гусеницами, червячками, муравьиными яйцами, насекомыми.

– У тебя есть муравьиные яйца? – ехидно поинтересовалась Марина.

– Увы, только что закончились, – грустно пошутила я.

– А гусеницы? – не унималась приятельница.

– У меня от них изжога, – сердито буркнула я.

– Ну, тогда не знаю. Впрочем, – ободрила меня Маринка, – ко всякому делу надо подходить творчески.

– Ну, этого-то у нас хоть килограмм, – взбодрилась я.

На самом деле мне становилось все больше не по себе. Попробую порыться в Интернете. Статья какого-то птицевода

и птахолюба на птичьем форуме меня доконала. Оказывается, что самостоятельно выкормить птенца, а у меня, судя по всему, был подлёт, почти невозможно. Во-первых, он ест строго определенную пищу, а во-вторых, родители его кормят очень часто, примерно через каждый час ...

Птицелюб подробно описал случай из собственной практики, когда он пытался выкормить отобранного у деревенских мальчишек птенца ласточки. Как специалист он составил для птенчика необходимое меню, заготовил корм и приловчился кормить птаху через два часа. Но даже у него история со спасением птенца закончилась печально. Ему надо было уехать по делам дня на три. Своего подопечного вместе с необходимым запасом пищи он поручил заботам своей матери. Однако птенец не выдержал то ли разлуки с новым отцом, то ли предложенного ему режима, и к тому времени, когда его благодетель вернулся, он уже болел, а еще через несколько дней, увы, погиб.

Вырисовывалась безнадежная перспектива. Выход виделся только один: попытаться все же накормить ослабевшую птичку и выпустить ее на волю, положившись на удачу.

Перед сном Чи удалось напоить. Крошка почти не сопротивлялась, когда я взяла ее в руку. Из пипетки она пить не захотела, а вот к клочку ваты, смоченному вначале водой, а затем водой с медом, она припала с жадностью. От несоленого сыра, разрезанного наподобие червячков, и крошек желтка, которые я предлагала малышке пинцетом, она решитель-

но отказалась.

Выпускать малышку, на ночь глядя, было рискованно. Решили оставить ее в плену до утра. Спалось не спокойно. Я все прислушивалась, не бьется ли птичка в своей тесной импровизированной клетке. Как выяснилось потом, моя бедная мама тоже не спала, переживая за найденыша.

Было тревожно. Хотя бы малышка не умерла от голода и стресса! Как, наверное, ей страшно и тоскливо сидеть в темноте, не видя деревьев, не слыша птичьих голосов, не чувствуя дыхания ветра, в окружении гладких и неприступных пластиковых стен.

Дождавшись рассвета, я тихонько подошла к ведерку с узницей. Птичка заметила меня, встрепелась, жалобно пискнула и заметалась. Вода и корм, оставленные ей на ночь, похоже, остались нетронутыми.

Надо попробовать все же накормить страдалицу еще раз и поскорее выпустить ее.

Что ж, начнем готовить завтрак. Я решила реализовать предложение Марины о творческом подходе к кормежке. Из холодильника я выгребла все, что, на мой взгляд, могло бы понравиться птичке. Ей явно были нужны для развития микроэлементы. Думаю, сойдет нарезанный узкими полосками свежий огурчик. Переходим к основному блюду: кусочки домашнего творога, сваренного вкрутую яичного желтка, нарезанный соломкой неострый сыр. Хотите мясного, сеньорита? Пожалуйста! Я настрогала из отварного мяса симпатичных

червячков.

Теперь подумаем о напитках. Быстро подготовила ватные тампоны с водой, свежим кефиром и водой с медом. А на десерт у нас будут кусочки банана. По-моему, получился неплохой шведский стол. Я бы на месте привереды что-нибудь из предложенного ей все же отведала. Ах, да! Чуть не забыла про столовые приборы. Пли-и-з! Наготове два пинцета, чтобы можно было кормить гурманку на весу, как советовал на своем сайте птаховед.

Приступаем к операции «Завтрак аристократки». Осторожненько сзади птички просовываю руку в злополучное ведро, беру ее в ладонь и вытаскиваю наружу.

Но тут случилось непредвиденное. Крохотная птаха собрала последние силы, рванулась и выскользнула из моей ладони. В отчаянии она стала метаться по кухне, роняя от страха маленькие пепельно-бежевые перышки. Несколько раз она больно ударилась клювом об оконное стекло.

Боже мой, надо скорее ее выпустить. Бросаюсь к нераспечатанному с зимы окну. На широком подоконнике мешает гора посуды. Скорее, скорее! Окно разбухло и не хотело открываться. Наконец, его удалось растворить. В кухню ворвался прохладный утренний воздух.

Птичка забилась куда-то на полку и безразлично наблюдала за моими не понятными ей действиями.

– Чи, миленькая, лети сюда!

Малышка отрешенно смотрела на меня, не понимая, что

от нее хотят.

Подойдя к окну, я протянула руку наружу и попробовала помахать ей как крылом. Никакого результата. Птичка безнадежно планировала по кухне и не видела близкого выхода. Я отошла от окна подальше.

Чи села на край рамы. На нее пахнул свежий порыв ветра, и ее перышки затрепетали. Я застыла в ожидании, боясь напугать птичку. Она тоже замерла, боясь сделать малейшее движение, словно не веря, что она на свободе.

– Ну, что же ты, – тихо сказала я. – Лети, маленькая!

Чи неожиданно оглянулась, внимательно осмотрела кухню, будто запоминая на всякий случай свое временное пристанище, глянула на меня и только потом повернулась к раскрытому окну, расправила крылышки, и, развернув веером хвостик, легко заскользила по направлению к зеленому мастиву на противоположной стороне улицы.

Я подошла к окну и облегченно вздохнула. Странное происшествие. Какие мы все-таки разные – люди и птицы! Как плохо знаем и понимаем друг друга ...

На подоконнике лежали два крохотных перышка-пушинки – все, что осталось от моей неожиданной гостьи.

* * *

Прошло больше года. Я отдыхала в Болгарии, в маленьком старинном городке, названном в античные времена Аполлонией в честь бога искусств. Неторопливо гуляла по древним

булыжным мостовым, любовалась сохранившимися с XVIII в. деревянными, похожими на корабли постройками и удивительно красивой, крепостной стеной, увенчанной высокой, напоминающей шахматную ладью башней с зубцами. Крепость, фрагмент которой остался еще с античных времен, когда-то замыкала город от врагов с юга, со стороны моря.

Стоял необычно теплый октябрь, скорее похожий на август. Я лениво брела к морю, предвкушая, как окунуться в его шелковую обволакивающую прохладу. Вдруг метрах в семи от меня приземлилась бежево-коричневая птичка чуть больше воробья. Ее небольшую головку украшал черный хохолок, который она забавно топорщила. Я остановилась. Птичка смотрела на меня. В ее черных круглых глазах было спокойствие и дружелюбие. Может быть, это Чи? – промелькнула в голове странная мысль. Крошка еще раз глянула на меня, взмахнула крылышками и плавно полетела к видневшейся поблизости тополиной рощице. Ее крылышки слегка отливали на солнце темно-зеленым перламутром.

– Где ты, Чи? Как тебе живется, малышка?

2011 г.

Привет, Майкл!

1

Строительство небольшого комплекса апартаментов с романтическим названием «Сноу Дримз» («Снежные мечты») в болгарском курортном городке Банско должны были завершить в конце лета. Лена Ларионова, терпеливо дожидаясь окончания работ еще в течение полугода после запланированного срока сдачи. Но, в конце концов, она поняла, что надо искать выход, чтобы выручить вложенные в студию деньги. Было ясно, что действовать придется самой, поскольку риэлтор-посредник, через которого совершалась сделка, прочно залег на дно.

Лена всегда стремилась любое начатое дело доводить до конца. Быть может, эта целеустремленность передалась ей на генном уровне: ее отец был кадровым военным и во всем любил порядок, но возможно, что в этом была повинна ее работа. Она уже несколько лет была зам. декана гуманитарного факультета в одном из университетов Екатеринбурга.

Проблемы с недвижимостью в Болгарии возникли из-за разразившегося финансового кризиса. Кредиты для девелоперов резко взлетели в цене, и недостроенные объекты «зависли» на неопределенное время. В числе этих объектов был и маленький уютный комплекс «Сноу Дримз», кото-

рый строила прочно обосновавшаяся в Болгарии британская фирма. Ее возглавлял Майкл Стоун – архитектор по образованию, энергичный сорокатрехлетний предприниматель, с особым чутьем на перспективные проекты и безошибочным чувством ландшафта. Все его многочисленные объекты, и уже завершённые, и только начатые, были на редкость удачно расположены и имели потрясающие виды. Вот и «Сноу Дримз» находился у подножия горного массива Пирин, белоснежные пики которого гордо возвышались над долиной быстрой и широко разливающейся по весне реки Глазне.

Лена решила написать письмо Майклу Стоуну. Она неплохо, хотя и далеко не в совершенстве владела английским, – сказывались английская спецшкола и опыт переводов специальных текстов по работе.

«Уважаемый м-р Стоун! – писала она. – Меня зовут Елена Ларионова. Я – собственница апартаментов № 18 в «Сноу Дримз». Я понимаю, что у Вас проблемы и сочувствую Вам. Но я не собираюсь терять свои деньги. Жду от Вас информацию о судьбе этого комплекса и реальных сроках его завершения. Готова также обсудить альтернативные предложения».

Ответ пришел не сразу. Майкл явно не торопился выходить на контакт, и Лена попробовала получить информацию о его планах через своего софийского знакомого, Пламена Петкова, занимающегося поставками и продажей стройматериалов. Он часто бывал в России и свободно говорил по-рус-

ски. Общительный Пламен, который был не только успешным предпринимателем, но и страстным любителем народной музыки и песен, знал в Болгарии, кажется, абсолютно всех. Он откликнулся почти сразу:

«Не хочу тебя расстраивать, Елена Прекрасная, но Майкл Стоун мечется сейчас в поисках инвесторов и ни с кем из своих клиентов не вступает в контакт. Мой тебе совет: плюнь ты на него пока. Лучше приезжай в августе в Банско на фестиваль искусств! Там будет выступать мой друг Георгий Стоянов. Когда ты его услышишь, ты забудешь о Майкле и обо всех своих проблемах навсегда. Кстати, твой саксонец обычно не пропускает наши фестивали в Банско, и, вполне возможно, ты его здесь встретишь. С горячим дружеским приветом, Пламен».

Лена невольно улыбнулась, прочитав последнюю фразу. Южный темперамент ее приятеля вполне соответствовал его имени. Лене нравились напевные болгарские мелодии, но не настолько, чтобы ради этого специально приезжать на фестиваль, но информацию о том, что Майкл посещает музыкальные праздники, она, на всякий случай, запомнила. Своего противника не мешает хорошенько узнать, а для этого может пригодиться неформальная обстановка.

Майкл устало вошел в номер собственных апартаментов в Банско. Он сбросил с себя слегка влажную от мелкого моро-

сящего дождя кожаную потертую куртку и взглянул на себя в зеркало. На него критически смотрел темноглазый мужчина среднего роста, выющиеся короткие волосы слегка растрепались, придавая ему модную небрежность, на переносице прочно залегла складка.

«Надо расслабиться», – подумал Майкл.

В номере было прохладно и темно из-за спущенных жалюзи. Майкл приподнял одну из штор. Вечерело. Из окна наполовину виднелись утопающие в тумане вершины Пиринна. Накрапывал дождь. Туман сползал на город, окутывал деревья, проникал во дворы, превращая маленький городок в призрачный мир, живущий по своим ирреальным законам. Казалось, что предметы и люди возникали в этом мире из ничего, а затем, повинаясь собственной логике, так же неожиданно исчезали, может быть, на время, а, может быть, и навсегда.

«Впрочем, вероятно, это мы, а не этот укутанный в туман город, живем в призрачном непостоянном мире, – думал Майкл, – во всяком случае, все наши дела, вся наша каждодневная суета, наши сомнительные цели, мнимые победы и такие же мнимые поражения – не что иное, как миражи».

Майкл опустил штору и включил свет. Призрачный мир отступил, затаился за окнами, а здесь внутри все было как обычно. Посредине комнаты стоял кожаный угловой диван цвета топленого молока с пододвинутым к нему удобным столиком из бука, на полу лежал большой шерстяной ковер

песочного цвета, на стене – мозаичное деревянное панно.

Майкл решил сделать себе кофе. Предстояло еще поработать. Несмотря на то, что он практически жил в Болгарии уже седьмой год и успел завязать здесь множество полезных связей, дела с инвесторами никак не налаживались. А деньги были нужны как воздух. Он предпочитал грандиозные проекты, от которых захватывало дух и было где разгуляться фантазии, испробовать оригинальные дизайнерские решения, но сейчас обо всем этом надо было забыть и искать деньги хотя бы на то, чтобы завершить что-то из начатого. А таких объектов было немало: семь больших проектов и еще всякая мелочевка.

Особенно у Майкла болела душа за роскошный отель «Сент Джонс», отличавшийся оригинальным стилевым решением. Майкл любил и сознательно использовал в своих проектах эклектику, она давала простор его фантазии. В любимом детище Майкла сочетались элементы позднего классицизма, национального болгарского зодчества, традиции которого он уважал и ценил, и в то же время в строгих фасадах «Сент Джонса» и в его интерьерах, где была продумана каждая деталь, угадывалось властное веяние нашего динамичного времени с его новыми формами и материалами. Майкл увлеченно работал над этим проектом последние три года, вбухал в него все имеющиеся в его распоряжении средства, но так и не успел его закончить до того, как разразился кризис. Нестерпимо досадно было еще и оттого,

что из-за неустоек и сорванных планов он понес серьезные убытки. За первые пять лет работы в Болгарии он сколотил довольно приличное состояние, а теперь снова все надо было начинать почти с нуля.

3

Возможно, Майкл и завершил бы свой проект «Сент Джонс», но его подставил его напарник по бизнесу Бэзил Симпл. Они знали друг друга не первый год, вместе начинали осваивать Болгарию, как перспективный объект масштабного строительства. Со временем им стало тесно друг с другом, а, может быть, стали сказываться различия их подходов к делу, которым они занимались. Бэзил был медлительным, уравновешенным и чертовски прижимистым, что не раз доводило Майкла до бешенства. Особенно когда Майкл предлагал какое-нибудь нестандартное решение, например, зимний сад с роскошными тропическими растениями и небольшим искусственным водопадом на мансардном этаже «Сент Джонс» под прозрачной стеклянной крышей, а зануда Бэзил доставал свой несносный нетбук и вместо того, чтобы восхищаться красотой проекта, начинал корпеть над расчетами. Затем, поколдовав минут тридцать, он поднимал на Майкла свои зеленоватые цепкие глазки и, решительно покачивая головой в такт своим словам, говорил:

– Уймись, Майкл, я тебя прошу! То, что ты предлагаешь, абсолютно невозможно. Твоя затея тянет больше, чем

на триста тысяч евро. Я пас!

Темпераментному и загорающемуся от новой идеи Майклу был не понятен такой жесткий практицизм, и он снова и снова пытался переубедить Бэзила.

– Послушай, ведь это так красиво! – восклицал он. – Только представь: Ночь, зима, с неба сыплется снег, а здесь в саду цветут орхидеи, на дорожках лежат резные тени от пальм, слышна тихая музыка, не заглушающая звуки водопада ...

Но Бэзил был непреклонен.

Вместе с тем напарники доверяли и помогали друг другу. Вот и тогда, в самом начале кризиса, когда уже стал ощущаться дефицит в живых деньгах, но еще было неясно, как долго эта ситуация продлится, Бэзил попросил у друга займа под хорошие проценты довольно значительную сумму, чтобы вложить ее в выгодный, как он говорил, коммерческий проект – строительство продуктового супермаркета в новом курортном поселке на побережье под Созополем. Майкл, который сам нуждался в деньгах, тем не менее, согласился. Во-первых, не хотелось обижать Бэзила, во-вторых, напарник заверял его, что быстро, буквально месяца через четыре, прокрутит и вернет деньги, в-третьих, проект обещал неплохую прибыль. Однако Бэзил не вернул эти деньги ни через четыре месяца, ни через полгода, ни даже через год. Он разводил руками, ссылаясь на форс-мажорные обстоятельства и говорил, что сможет вернуть деньги только тогда, когда все устаканится.

Для Майкла это был удар под ложечку, и с тех пор его преследовали неудачи. Последние два месяца он был в депрессии, чувствовал себя совершенно опустошенным и с трудом заставлял себя заниматься делами.

4

Майкл отхлебнул глоток крепкого кофе и нехотя включил ноутбук. Сначала он решил просмотреть свой e-mail, по которому переписывался, в основном, с клиентами. Этот адрес последнее время он посещал довольно редко. Он прекрасно понимал, что поступает не лучшим образом, но у него просто не было утешительной информации для пострадавших. Обычно их письма были щедро напичканы угрозами суда и изощренными ругательствами в его адрес. От этих посланий надолго портилось настроение, тем не менее, Майкл просматривал их по диагонали примерно раз в неделю, чтобы не пропустить важную информацию. Его клиентами были, в основном, англичане и ирландцы, попадались также немцы и скандинавы. Самую немногочисленную группу составляли русские, которые только начинали осваивать рынок болгарской недвижимости. Просматривая фамилии корреспондентов, большинство из которых Майклу были уже знакомы по предыдущей переписке, он примерно представлял содержание их сообщений. Изрядно «доставали», например, пространные послания Ханса Калимана. Это был огромного роста швед с живописной седой гривой и зычным голосом

боцмана. К морю и портам он и вправду имел отношение. В свое время он был управляющим крупной верфи, но недавно вышел на пенсию. Он много путешествовал и занимался тем, что вкладывал свои сбережения в перспективную, растущую в цене недвижимость, а затем выгодно перепродавал ее, заботясь о будущем и преумножая свой капитал. Несмотря на свой опыт, Ханс тоже вовремя не сориентировался и завяз в почти построенном, но так и не введенном в эксплуатацию комплексе «Сент Джонс», куда он вложил более 100 тысяч евро. Объект не был сдан, и его бесило, что он не мог ни продать свои апартаменты, ни получать от сдачи их в аренду прибыль. Письма колоритного громкоголосого шведа всегда были очень длинными и нудными с бесконечными ссылками на статьи болгарского и международного законодательства, которые, по его мнению, нарушил Майкл, а также с ультимативными требованиями выполнить в самое ближайшее время обязательства по договору. Уважая седины воинственного старца, Майкл периодически любезно звонил Хансу с уверениями в своем почтении, в том, что он занимается решением его проблем и просьбой потерпеть еще немного.

Но Ханс был далеко не самым невыносимым клиентом. Немецкие бюргеры, все как один, истерично требовали вернуть им вложенные ими деньги с процентами. Но хуже всех вели себя братья англосаксы. Они скооперировались, наняли адвоката и грозились затеять против Майкла громкий судебный процесс. А это могло сильно подпортить его репута-

цию. Во избежание этого приходилось вести с ними тактику расчленения противника на автономные единицы и обещать каждому из наиболее неуёмных пострадавших всевозможные бонусы, на которые соплеменники были весьма падкими. Параллельно приходилось работать и с их адвокатом – отменно ловкой бестией. Он не рвался к активным действиям, занимая выгодную для себя выжидательную позицию, позволяющую ему получать приятные презенты и суммы то от истцов, то от ответчика.

Проще было с русскими клиентами. Сказывались два фактора: полнейшее незнание ими английского языка и абсолютное неумение вести деловые переговоры.

5

Пробегаая глазами перечень входящей корреспонденции, Майкл отметил новое для себя имя.

«Какая-то Elena Larionova. Судя по фамилии и адресу, – русская, – подумал он. – Так и есть!– Майкл быстро просмотрел письмо. – Ага, еще одна пострадавшая». – Порывшись в памяти, он припомнил, что примерно два года назад, когда только начинались продажи апартаментов в комплексе «Сноу Дримз», в Банско, действительно, приезжала русская, и он видел ее на подписании договора купли-продажи. Майкл отметил тогда, что ей очень шел джинсовый костюм, светло-голубой тон которого придавал глубину ее серым лучистым глазам. Она еще оставила в офисе свой сотовый те-

лефон, и когда вернулась за ним, он пошутил, что, наверное, они не случайно стали часто встречаться, и что он надеется, что это станет хорошей традицией.

Общий тон письма клиентки из России был спокойный. Это радовало. В письме чувствовалось понимание сложной ситуации, желание найти выход и даже некий конструктив.

У Майкла была кое-какая нераспроданная жилая недвижимость в уже готовых комплексах, и он подумал, что было бы неплохо предложить этой русской апартаменты большей площади с хорошей доплатой. Если этот вариант пройдет, он получит свободные деньги, которые можно будет пустить на уплату долгов по налогам или частичный возврат суммы кому-то из наиболее нетерпеливых пострадавших.

С минуту подумав, Майкл набросал ответ:

«Уважаемая госпожа Helen Larionova! Спасибо за Ваше понимание и терпение. Я как раз работаю над решением возникшей проблемы. У меня есть несколько готовых апартаментов на продажу. Правда, все они по площади значительно больше, чем те, за которые Вы внесли аванс в «Сноу Дримз». Я могу Вам что-либо из них продать, если Вы готовы на доплату. С наилучшими пожеланиями, Майкл Стоун».

Отпуск у Елены был длинным – целых два месяца, и она успевала сделать за это время много: и заняться ремонтом, и, как она шутила, «подчистить хвосты» по работе, и съез-

дить куда-нибудь отдохнуть. Особенно она любила море. Ей нравились утренние заплывы в тихие погожие дни, когда на берегу были только чайки, и вся бесконечная гладь отдохнувшего за ночь моря принадлежала только ей. Другой ее страстью были горы. Лена неплохо фотографировала, и у нее были сотни снимков живописных горных ущелий и стремительных водопадов, неповторимых восходов и сказочно красивых закатов, когда каждая горная гряда окрашивается в свой оттенок, а вершины на фоне пламенеющих облаков становятся четко очерченными, словно обведенными черной тушью. Но этим летом Лена не торопилась с поездками, она решила подождать известий из Банско.

Ответ Майкла ее обрадовал. «Хорошо, что он пошел со мной на контакт,— подумала она. — Надо постараться не спугнуть его и закрепить результат».

Тем не менее, Лена решила позвонить Сергею, своему бывшему мужу-юристу и посоветоваться с ним. Они разбежались еще в молодости, через полтора года после свадьбы по причине несходства характеров, но, тем не менее, оставались в дружеских отношениях. Детей завести они не успели. Елена так и не вышла замуж повторно, уйдя с головой в работу, а у Сергея, который по натуре был взрослым ребенком и любил, чтобы его холили, вскоре появилась новая жена, не устающая, в отличие от Елены, сдувать пылинки со своего красавца-супруга.

— Серж, мне нужен твой совет, — начала Лена.

– Если ты снова собралась замуж, я не одобряю, – принял-ся сходу острить бывший. Практика показывает, что всякий последующий муж непременно бывает хуже предыдущего.

Сергей обожал Оскара Уайльда и щедро пересыпал свою речь парадоксами в его стиле. Иногда он, действительно, выдавал забавные вещи, но Лене было не до шуток.

– Брось валять дурака! – попробовала она пресечь поток острот. – Ты мне нужен не как наперсник, а как юрист.

Но Сергей не унимался:

– Хорошо, что хоть в каком-то качестве я тебе нужен. Так вот, как наперсник я – сама серьезность, а вот юристы – народ несерьезный, и я вовсе не исключение. Чтобы разобраться в чужих делах и при этом сохранить спокойствие, надо ко всему относиться с юмором. Юмор – единственное спасение деловых людей.

– Прекрати, паясничать. У меня проблемы с недостроенными апартаментами в Банско, я тебе о них говорила. Мой застройщик предлагает поменять их с доплатой на готовые. Что посоветуешь?

Сергей, наконец, перешел на деловой тон:

– Где гарантии, что твой застройщик не попробует снова обвести тебя вокруг пальца. Кто обманул один раз, непременно будет обманывать и впредь. Я бы ни за что не согласился на переговоры с ним! На него просто надо подавать в суд.

В словах Сережи, конечно, был резон. Вполне возможно,

что Майкл хитрит, но ситуация у него, действительно, была непростая, и интуиция подсказывала Лене, а она доверяла ей и не любила рубить с плеча, что было бы лучше пойти с Майклом на компромисс. Она его совсем не знала, видела лишь пару раз в Банско, но Майкл производил впечатление серьезного человека, в нем было что-то располагающее и вызывающее доверие. «Будь что будет!» – решила Лена и открыла свой ноутбук.

«Хелло, Майкл! – написала она. – Я не исключаю возможности приобрести у Вас другой объект и доплатить разницу, если его качество меня устроит, и если цена будет разумная. Но я могу заплатить Вам дополнительно не более 20 тысяч евро. Если у Вас есть объекты в этом ценовом диапазоне, пришлите мне о них подробную информацию. С уважением, Елена Ларионова».

7

Майкл был разочарован, он рассчитывал на более существенную доплату. Ему очень нужны были деньги.

«Что ж, – размышлял он, – надо все-таки постараться раскрутить сероглазую русскую на более солидные траты, но для этого надо предложить ей какой-нибудь выигрышный вариант».

Перебрав мысленно имеющиеся у него объекты, Майкл нашел то, что нужно. Это были двухуровневые апартаменты в действующем комплексе «Маунтин Вью», изюминкой ко-

торых была красивая деревянная лестница, ведущая на второй этаж. Еще там была просторная тенистая терраса на первом этаже, увитая разросшимися ампельными растениями. С нее можно было выйти в общую садово-парковую зону. Правда, были там и недостатки – маленькая прихожая, над которой ему пришлось поломать голову, чтобы зрительно скрыть ее скромные размеры, а еще – низковатые скошенные потолки на втором мансардном этаже, где размещалась одна из спален.

Порывшись в файлах с фотографиями, Майкл отобрал несколько наиболее удачных снимков и отправил их Елене с письмом, нарочитая лаконичность и некоторая небрежность которого были маневром, скрывающим его заинтересованность в продаже объекта.

«Добрый день, Элен! Высылаю Вам фото одного из объектов, который, возможно, Вам подойдет. Но это апартаменты на две спальни, с дорогой меблировкой, и их стоимость значительно выше суммы, которую Вы заплатили за апартаменты с одной спальней в «Сноу Дримз». Здесь также более интересное решение пространства. Доплата за эти апартаменты составит 37 тысяч евро. Возможна небольшая скидка. Есть варианты подешевле, но они менее оригинальны в плане дизайна. С наилучшими пожеланиями, Майкл».

квартиры. Она давно мечтала разобраться со своей крохотной прихожей, но у нее никак не доходили до нее руки.

Площадь прихожей составляла немногим более шести квадратных метров. Лена попросила убрать одну стену, отделяющую прихожую от гостиной, и заменила ее на шкаф-купе с зеркальными вставками. Стены решено было оклеить обоями бежево-коричневатого цвета в вертикальную полоску. Чтобы зрительно раздвинуть пространство, на стене, противоположной шкафу-купе, Лена долго искала и, наконец, нашла подходящий постер. На нем была изображена парковая аллея в косых лучах заходящего солнца, уходящая вдаль. Отражаясь в зеркалах, этот рисунок отвлекал внимание от ограниченного пространства. С этой же целью пол был выложен прямоугольной кафельной плиткой. Даже вечный пересмешник Сергей, во всем умеющий находить скрытые изъяны, увидев плоды Лениного творчества, оторопело присвистнул и удивленно спросил:

«Круто тут у тебя стало! Я только не понял, за счет чего ты коридор расширила? У соседей, что ли несколько квадратов позаимствовала?»

Лена тоже была довольна результатом. Уже несколько дней ее не покидало приподнятое настроение, которое отвлекало ее от нерешенных проблем в Банско. Письмо Майкла пришло очень кстати. Она уже подумывала о том, чтобы приобрести в Болгарии апартаменты большей площади, чтобы можно было приглашать к себе на лето друзей, и ей

направились двухуровневые квартиры, если в них была удачно спроектирована лестница. Похоже, у Майкла был как раз такой вариант. На снимках было видно, что, плавно изгибаясь спиралью, лестница уходила вверх и делила первый этаж на две части: прихожая и гостиная были выполнены в сливочно-кофейных тонах, усиленных шоколадными и оливковыми акцентами, которые присутствовали в мебели и фурнитуре, а в спальне преобладали сиреневатые тона. Фото прихожей стало для Лены сюрпризом. Она не верила своим глазам. Прихожая была явно маленькой, и, чтобы скрыть этот недостаток, дизайнер использовал практически те же приемы, которые нашла Лена.

Да, видимо, идеи витают в воздухе и передаются на расстоянии! – удивленно подумала она. Ее заинтересовало предложение Майкла, но она решила взять небольшой тайм-аут на размышление. Спустя несколько дней, собравшись с мыслями, она написала:

«Привет, Майкл! Я подумала над Вашим предложением. Апартаменты в «Маунтин Вью» интересны по дизайну, но второй этаж в апартаментах мансардный, и, судя по снимкам, там низкие потолки, а это – существенный минус. Но самое главное – меня не устраивает цена. Я готова сделать доплату только в пределах оговоренной мной суммы. С уважением, Елена Ларионова».

Майкл находился у себя в офисе, когда получил это письмо. А эта русская – опытная штучка, – отметил он про себя. – Она осторожна и носом чует уязвимые места в предлагаемых объектах. Но надо бы заставить ее принять нужное для него решение. Может быть, попробовать игру «в поддавки»? И Майкл, неопределенно пообещав уступить, предложил Элен приехать, чтобы она на месте посмотрела несколько объектов и определилась с выбором.

Через 10 дней Елена была в Банско. Лето заканчивалось. О начале осени говорили очень прохладные вечера и бодрящие утренники. На открытых солнцу местах в зелени деревьев появились золотистые и рыжеватые пряди.

Лена остановилась в небольшой уютной гостинице, в которой, кроме нее, сейчас было всего два постояльца: пожилой улыбчивый англичанин – мистер Роджерс со своей женой Кристиной. Они обожали свежий воздух и длинные пешие прогулки. Поэтому чета приезжала сюда уже не в первый раз. Кристина немного рисовала, и утром, после завтрака, когда становилось тепло, ее можно было видеть с альбомчиком и акварельными красками то во дворе, то на террасе их апартаментов. Вот и сейчас Кристина в плотной свободной курточке шоколадного цвета и рембрандтовском берете с увлеченным видом что-то набрасывала в своем альбомчике, время от времени задумчиво глядя вдаль. Лена не удержалась и подошла поближе.

– Morning, миссис Роджерс. Можно взглянуть?

– Good morning, – любезно ответила Кристина и с некоторым смущением протянула свой альбом.

Лена ожидала увидеть что-нибудь вроде любительского эскиза с видом заснеженных гор либо старательного рисунка садовых цветов. Но вместо этого она с изумлением увидела на листе бумаги какой-то мрачный, нарисованный грязно-серыми красками скалистый и явно не здешний пейзаж. Он был не закончен. Художница билась над загадочным объектом почти в центре композиции: золотисто-желтой краской был изображен овал, от которого перпендикулярно вниз шли лучи.

– Очень мило! – сказала Лена и, указывая на таинственный объект, поинтересовалась – Что это, миссис Роджерс, НЛО?

Кристина засмушалась: «Я не закончила! Это будет ронда. Я рисую по памяти. Это – одно красивое место в Уэльсе».

Лене показалось забавным, что эта милая дама выходит на пленэр в Банско, чтобы рисовать по памяти мрачные пейзажи Уэльса.

– А, впрочем, ничего странного в этом нет, – подумала Лена. – Все мы живем в двух измерениях: в реальном мире и одновременно в мечтах, фантазиях о туманном будущем.

Лена с удовольствием побродила по старому городу. Он готовился к фестивалю, и кругом шли приготовления. На улицах было оживленно. Можно было встретить красоч-

ные процессии людей в национальных костюмах. Город был украшен цветами. Деловито маршировали длинноногие очаровательные барабанщицы в коротеньких клетчатых юбочках и высоких красных сапожках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.